
Странные сближения
Егор Лобанов
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Егор Лобанов

Странные сближения

«Автор»
2026

Лобанов Е.

Странные сближения / Е. Лобанов — «Автор», 2026

«Странные сближения» - сборник городских историй, в которых жизнь то и дело выходит за пределы здравого смысла. Здесь дружба оказывается сложнее вражды, любовь не всегда отличима от самолюбия, благие намерения приводят к сомнительным последствиям, а самые серьёзные жизненные вопросы порой решаются самым несерьёзным образом. В этих историях Петербург - не столько фон, сколько привычная среда обитания со своим климатом, нравами и населением. Здесь соседствуют житейская неустроенность и интеллектуальные амбиции, искренняя привязанность и самолюбие, добрые намерения и полное неумение их осуществить. Ирония становится естественным способом говорить об этом мире, не приукрашивая его, но и не отказывая его обитателям в сочувствии. За комическими столкновениями и нелепыми происшествиями постепенно обнаруживается нечто более серьёзное: страх одиночества, память о прошлом, семейные обязательства, неразделённые чувства и желание быть кому-то нужным.

© Лобанов Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Ночной вояж 5
Дозор 8
Румсервисо облико морале. 9
Загадка Сфинкса 11
Спаситель 13
Нефтепровод «Дружба» 15
Дом на улице Балабанова 17
Подарок на годовщину 21
Родина 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Егор Лобанов
Странные сближения

Ночной вояж

Некто Ф.М. Достоевский писал о северной столице так: «Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге… Вы замечали, что в Петербурге улицы все угрюмые? Это самый отвлеченный и умышленный город в мире…»

А один нобелевский лауреат как-то назвал Петербург (тогда еще совсем Ленинград) городом цвета «окаменевшей водки». И это, пожалуй, было даже точнее.

Герой этой истории, мой хороший приятель Лелик, был склонен с этой позицией соглашаться. Город давил на Лелика, и последний справлялся с давлением проверенными годами методами. Его хорошо знали в лицо на улице Некрасова, кое-что слышали о нем на Маяковской, а на Думскую, где в былые времена располагалось посольство Содома и Гоморры, его вообще перестали пускать, ссылаясь на излишне развязное поведение – словом, выгнали из гестапо за пытки. Но таков он был, мой добрый приятель Лелик.

Конечно, по паспорту он совсем не Лелик, а обычный Олег Алексеевич, но ни одному человеку, даже в самом пьяном бреду не пришло бы в голову назвать его полным именем, еще и уважив отчеством. Леликом зовут его все друзья и знакомые, включая бабушек во дворе, коменданта общежития и волнистого попугайчика Гошу, подаренного Лелику еще в третьем классе.

Каждый раз, рассказывая эту историю, мой друг что-то в ней менял, добавляя для остросюжетности какие-то дикие подробности, которые превращали историю в вольный пересказ «Крепкого орешка», поэтому на достоверность сведений рассчитывать не приходится. Но дело было так.

Будучи личностью с тонкой душевной организацией и ясно ощущая высокие материи, Лелик пил по-черному. Единственным препятствием его беспробудности были ограниченные финансы и периодические набеги мамы, которая пыталась убедиться, что Лелик все еще принадлежит к благородному роду homosapiens. Все остальные факторы, включая мировую нестабильность и погодные условия, молодежному пьянству способствовали.

В один из летних вечеров Лелик, получив торжественную СМС-ку о зачислении аванса, решил организовать праздник для себя и тех, кому не посчастливилось его окружать, поэтому отправился в ближайший бар в компании боевых товарищей. Разведка «Кровавой Мэри» показала, что товарищи дезертируют, оставляя друга одного на амбразуре. Лелик принял их отставку и решил, что сможет культурно провести вечер в гордом одиночестве. С этой целью он вызвал такси и отправился в ночь. Ответ «В мир грез!» непонятливым таксистом был не принят, поэтому пришлось ткнуть пальцем в район улицы Рубинштейна, известной своей злачностью.

Выпав из машины у небезызвестного в узких кругах дома Довлатова, Лелик остановился, чтобы перекинуться парой фраз с памятником бывшему хозяину. Затем небрежно ввалился в бар и сходу заказал пару коктейлей, забыв попросить меню или хотя бы в общих чертах ознакомиться с ценовой политикой. Вкус коктейлей приятно удивил нашего героя, что сумело отчасти скрасить осадок от цифр в чеке. Но, как говорил один мудрец, явно имевший какое-то постыдное пристрастие, цену имеет только первая бутылка. Стадию первой бутылки Лелик уже давно прошел. Оплатив счет, он двинулся дальше, заходя в каждый бар, встречавшийся на его нелегком пути. Последний оказался клубом среднего пошиба, и пару бутылок назад это место моего приятеля бы точно не впечатлило. К счастью, это состояние тоже давно миновало,

поэтому он решил задержаться. Заприметив жертву, тело, когда-то бывшее Леликом, стало продираться через людские джунгли, сняло пробковый шлем, убрало подальше мачете и плюхнулось на диван рядом с девушкой, чья кондиция плавно приближалось к состоянию нашего героя.

— Лели… Оле… Лелег! – сказал он и протянул руку, небезосновательно рассчитывая на встречное приветствие.

— Ульяна!

Дружба завязалась сразу. Испытывая стойкое пренебрежение к трезвости, оба выпили и тут же поняли, что встретили родственную душу, что в их агрегатном состоянии было довольно несложно. Неожиданно рядом со столиком появился человек, который судя по внешнему виду, играл третьего слева в сериале «Бригада», но в суматохе за двадцать лет забыл переодеться и изменить выражение лица.

— Этот с тобой?

Лелик, затаив дыхание, пытался раствориться в воздухе или хотя бы слиться с обивкой дивана.

— Да, со мной! – сказала Ульяна и через несколько секунд навсегда забыла о существовании своего спутника.

— Ну пойдем тогда выйдем, клоун, – Лелик был учтиво приглашен на улицу к дружеской дискуссии.

Здравый смысл взывал никуда не идти, обратиться за помощью к бармену или официантам, а лучше – залаять по-звериному, цапнуть кого-то за ногу и легкой рысью ускакать, растворившись в дымке ночи. Но здравый смысл пару часов назад уже потерял власть над Леликом, поэтому наш герой, решив, что дипломатия всегда была его сильной стороной, согласился на уличные переговоры.

Выйдя из клуба, эта странная парочка подошла к подержанному мерседесу и погрузилась в молчание. Первый из транса вышел инициатор беседы: «Садись!». Вдруг Лелика с дружеским визитом посетило адекватное восприятие реальности и подсказало единственно верное решение – бежать. Тогда его новый приятель вежливо остановил Лелика рукой, ей же отодвинул полу куртки и с мало скрываемой гордостью продемонстрировал пистолет, заложенный за ремень джинсов. В этот момент несчастный почувствовал, что у него в организме что-то оторвалось и куда-то упало. Аргумент произвел необходимое впечатление, и Лелик, забыв про дипломатию, сел на заднее сиденье.

Неприятным щелчком двери заблокировались, и узник мгновенно протрезвел, тут же начав разрабатывать план побега из своей передвижной тюрьмы.

— Ты девушку гулял?

Прибитый животным страхом Лелик посчитал вопрос риторическим.

— Теперь надо расплатиться. За девушку – отдельно, за коктейли – отдельно. Сейчас поедем в место одно…

Откинувшись назад, узник почувствовал, как ноги уперлись в нечто неестественно округлое под передним сиденьем. Имея кое-какое представление об устройстве автомобиля, Лелик неожиданно здраво рассудил, что этот инородный предмет навряд ли был предусмотрен конструктором. Значит, его можно попробовать отломать. Незаметно проведенная им экспертиза показала, что под передним пассажирским сиденьем дожидалась своего часа початая бутылка коньяка. Продолжавший процесс отрезвления мозг Лелика выдал невиданный по наглости план. Почувствовав, что машина стала снижать скорость, он крикнул водителю нечто мало поддающееся цензуре, чем надеялся привлечь внимание к своей скромной персоне. Тот поддался на провокацию и развернулся. В лоб ему прилетела та самая бутылка.

Насколько Лелик приврал, рассказывая эту байку, еще предстоит оценить историкам будущего, но он клялся здоровьем всех членов семьи, что все было в точности так. Не рассчи-

тав ни силу удара, ни замах, махровый атеист Лелик надеялся только на Бога, который в этот раз оказался на его стороне – водитель обмяк и плавно сполз вниз, а бутылка без единого скола еще оставалась в руках Рембо с заднего сидения.

С трудом разблокировав двери, Лелик вывалился из машины и попытался оценить обстановку. Короткий анализ местности и обстоятельств привел к неутешительным выводам: район не знаком, телефон разряжен, карточка утеряна. С третьего раза ему все же удалось поймать попутку и убедить водителя в своем исключительно несчастном положении, требовавшего постороннего участия.

Ведомый загадочным провидением Лелик все же добрался до дома, а на утро сел делать оргвыводы: сомнительным компаниям – остракизм, алкогольным возлияниям – бой, вместо них – занятия спортом, чтение перед сном и тихие игры.

Так Лелик продержался неделю. А затем все началось по новой.

P.S. Около месяца Лелик не оставлял попыток найти Ульяну, которая без зазрения совести сдала его в руки криминалитету, и сам клуб, ставший декорацией этого происшествия, но поиски успехом не увенчались. Однако я ему почему-то верю.

Дозор

Как-то в тягучие дни ковида случилось мне стать испытателем известного в нашей стране пыточного орудия – очереди на «Почте России». В помещении, по площади сравнимым с детской песочницей, умудрялось одновременно находиться человек пятнадцать. Ни один из них о существовании социальной дистанции, конечно, не подозревал. Словом, плотность населения в этом почтовом отделении была такой, что по сравнению с ней рижские шпроты наверняка чувствовали себя в банке довольно просторно.

Как и всегда в подобных ситуациях, нашелся человек, остро чувствующий на себе ответственность за общую атмосферу. Бабуля, пришедшая на почту не за пенсией, а по зову сердца (судя по возрасту, вероятно, училась на пару классов младше Крупской), первая прервала молчание и распевным матом начала завлекать в разговор всех присутствующих. Присутствующие ускорились в своем желании разойтись по домам. Когда рядом с бабушкой освободилось кресло, я, потеряв бдительность, совершил тактическую ошибку и сел в него. Наведя прицел и зарядив орудие, она произвела выстрел: «Ай, молодой, красивый парень! Заражать меня пришел?!». Четко понимая, что поддерживать разговор может быть чревато последствиями, я все же предпринял жалкую попытку парировать: «Почему заражать?..»

Бабуля, получив энергетический экстаз от того, что я все-таки вступил с ней в дискуссию, выдала: «Да у нас сейчас вся страна болеет, все борются с этой заразой китайской, мать ее! Вся Россия, как один, встала против вируса этого, а ты чего сидишь тут? А если ты заразный? А если ты меня заразишь? А если я потом эту заразу разнесу по стране? Ты о людях подумал, ты о стране подумал?!»

Мог напутать, но мне даже показалось, что фоном к ее пламенной агитке играло что-то из Газманова, на куртках окружающих стали распускаться георгиевские ленточки, на лицах вырастали маски, а почтовый работник в патриотическом порыве даже выстрелила из глаз санитайзером.

Оспаривать такой пассаж смысла не было. У Дон-Кихота, тыкавшего зубочисткой в мельницу, было больше шансов добиться от нее капитуляции с дальнейшими репарациями, чем у меня переспорить такой глубокий вирусологический анализ. Я предпочел согласиться с каждым звуком и отвернуться, увлекшись разглядыванием стеллажа с тушенкой и жидким мылом. Было бесполезно тратить свои нервы на почтовые споры – после мне нужно было заглянуть еще и в МФЦ.

Уходя, я все же не выдержал и заметил:

— Бабушка, вы бы хоть масочку надели! Говорят, вирус сейчас какой-то ходит!

Посылку я в тот день так и не отправил.

Румсервисо облико морале.

Есть у меня товарищ с плохо передаваемой на письме тягой к приключениям и стойким неумением зарабатывать. Финансы старательно избегали его, сколько бы он за ними не гнался и сколько бы ни пытался понюхать запах роскошной жизни. Этот вихрь причин и вынудил его устроиться в один небезызвестный питерский отель на должность беллбоя – обаятельного и почти бесправного мальчика на побегушках. Эта профессия принесла ему намного больше приключений, чем денег, а заодно и заставила смириться с судьбой гордого бессребреника.

В одну из многочисленных ночных смен Костя был беспардонно разбужен звонком из полулюкса. Сиплый женский голос то ли игриво попросил, то ли безапелляционно потребовал бутылку «Абрау-Дюрсо». Через минуту заспанный, но натужно улыбчивый Костя уже стучался в нужную дверь. В дверном проеме появилась женщина, давно оставившая в прошлом года набоковской Лолиты и недавно перешагнувшая бальзаковский возраст. Постоялица была неотличима от госпожи Белладонны из всем известного мультфильма, и Костя замер в ожидании, что обращаться к нему будут не иначе как «мой поросеночек».

— Открой бутылку и заходи.

Зайдя в номер, Костя понял, что на утро горничных, вероятно, ждет массовое самоубийство – обстановка вокруг напоминала последствия многочасового обыска.

— А ты ничего такой, – улыбнулась гостья и с легкой кокетливостью сдержала рвотный позыв.

— Спасибо! У вас все? Я могу идти? – сказал Костя, открыв бутылку и начав пятиться в сторону выхода.

— Плесни сначала. И себе тоже. А чего ты скуксился? За даму можно и выпить, у нее сегодня праздник!

— У вас день рождения?

— Не угадал! День комсомола!

«Первая комсомолка» – подумал Костя и убедился в своем желании ретироваться посредством исчезновения как можно скорее.

— Да не кипишуй ты, мальчик! Сядь, не обижу!

— Спасибо, я, наверное, лучше пойду! Мне на работе нельзя, у нас сухой закон!

— А я ваш сухой закон отменяю! Двадцать баксов и ты пьешь, договорились?

ЭВМ в голове Кости еще никогда не работал так напряженно. Курс доллара распитию алкоголя благоприятствовал.

— Только один бокал!

— А где один, там и другой! – усмехнулась дама и сдержала рвотный позыв во второй раз с той же неповторимой элегантностью.

— Да чего ты такой напряженный? Расслабься, не укушу! Или укушу! Ну, куда ты собрался? Сядь, сказала! Мадемуазель скучает, ее надо развлечь, не видишь? Сколько это у вас по прайс-листу? Баксов двести хватит?

В этот момент на хлипкие весы морального выбора Кости упала и ждала взвешивания нравственная дилемма: мальчик из хорошей интеллигентной семьи, которому мама с детства говорила, что настоящий мужчина может позволить себе поцеловать девушку только после рождения третьего ребенка, сражался с беспринципным холостяком, готовым на все ради манящего слова «валюта». Даже на интим с человеком, который смотрел похороны Андропова вживую.

Отчего-то Костику вспомнился пятый класс, школа, раннее зимнее утро, первый урок, открытый учебник литературы, портрет Пушкина, которому несколько поколений назад кто-то пририсовал гитлеровские усики и дьявольские рожки. Разбор «Капитанской дочки» тогда шел

туго, в частности из-за того, что Костя совсем не преуспел в прочтении – слишком велика и непостижима оказалась драма русского бунта в оренбургских степях. Но эпиграф Костя запомнил навсегда: «Береги честь смолоду».

Анализ ситуации, умножение названной цифры на официальный курс Центробанка и воспоминания из детства заняли секунды две. Решение было принято молниеносно.

— Я сейчас только менеджера предупрежу, что мне плохо, чтоб он меня не искал, и вернусь! – мяукнул Костя и так стремительно вылетел из номера, что заканчивал говорить уже в лифте.

В каморке он растолкал своего коллегу по румсервисному цеху Рафика, в красках обрисовал ему ситуацию, вспомнил про Пушкина с усиками, про честь, которую ему завещали беречь классики, и предложил подменить его в нелегком деле обмена морального облика на деньги. Рафик сначала немного поторговался, после полностью ушел в отказ, но в конечном итоге согласился с лицом человека, который делает одолжение настолько великое, что ему нужно поставить прижизненный памятник в полный рост. Желательно в золоте. Желательно в районе Дворцовой площади.

Отправив Рафика в номер, Костя разлегся на диване за ресепшеном, и величественные рассуждения о его непогрешимом моральном облике обволокли его настолько, что он сам не заметил, как уснул.

Под утро его разбудил напарник.

— Нет, ну ты и кадр, конечно! Ты чего себе понадумал там, придурочный? Она тебе что сказала вчера, тетка эта?

Костя почувствовал, как очутился в открытом космосе, а внеземная форма жизни активно пыталась вступить с ним в контакт.

— Какая тетка?!

— К которой ты меня вчера отправил!

— Сказала, что мадемуазель надо развлечь…

— А как развлечь, ты не уточнил?!

— А надо было?

— Надо было твоим родителям предохраняться! А у этой тетки и в мыслях ничего такого не было! Мы с ней в карты всю ночь играли! Она чемпион страны по покеру оказалась, прикинь!

— В карты?! На раздевание хотя бы?! – растворяющийся лучик надежды мелькнул в глазах Кости прежде, чем исчезнуть навсегда.

— Да какой там! В покер обычный. Десять раз подряд продул. Ну хотя бы заработал!

— А я?! – взмолился Костя, пытавшийся понять, какое место он занимает в этой сомнительной финансовой схеме и на какую часть гонорара может рассчитывать.

— А ты зато выспался! И честь не пострадала! Румсервисо облико морале, блин!

Загадка Сфинкса

Случилось как-то возвращаться из театра в приятной компании единомышленников. Происходившее на сцене по увлекательности с треском проиграло очереди в буфет, поэтому катарсис хотелось где-то догулять. Заглянув в пару злачных мест, мы убедились, что экономический кризис в России сильно переоценен: найти даже свободные полстула оказалось задачкой со звездочкой. Однако Виталик, наш театральный гид, не принял поражения и начал стремительно ориентироваться в предлагаемых обстоятельствах. С победным воплем «Русские не сдаются!» он скрылся за дверью круглосуточного магазина, чтобы через несколько минут вернуться с бутылкой шампанского.

— Знаете ли вы Петербург так, как знаю его я? Любители ли вы его так, как люблю его я?

Тут мы заметили, что бутылка уже была открыта, и шампанского там чуть-чуть не хватало.

— Сегодня я предлагаю вам исследовать непарадную сторону нашего славного города-героя. Сквер у головы Маяковского — вот наш ориентир на этот вечер!

Крошечный сквер на пересечении улиц Некрасова и Маяковской долгие годы служил точкой притяжения для тех, кому не нашлось места в приличных заведениях, но чаще – для тех, кто даже не пытался туда попасть. Обстановка в округе царила довольно беспокойная, поэтому интеллигентному человеку без кастета делать там было нечего, но Виталик нас клятвенно заверил, что всех там знает и от одного только звука его голоса падет ниц любой урка.

Уютно разместившись на скамейках, мы разлили шампанское по пластиковым стаканчикам и принялись обсуждать постановку, а особенно жарко – вопрос возврата денег за билеты.

Наш веселый щебет был прерван коллективным миражом – по диагонали через весь сквер в нашу сторону шагал пожилой мужчина с окладистой бородой. Из одежды на нем болтались только очки. В такой момент даже неисправимый оптимист, безгранично доверяющий этому миру, почувствовал бы угрозу. Почувствовали ее и мы, а потому сомкнули ряды, заслонив собой подруг.

Дойдя до конечной точки своего маршрута, довольно немолодой нудист смерил нас с Виталиком взглядом, после чего с ленинским прищуром обезоружил одной репликой:

— Хотите загадку?

Загадку мы, очевидно, хотели, и обнаженный Сфинкс продолжил, обдавая нас парами недорогого коньяка:

— В бессмертном произведении классика русской литературы Ивана Сергеевича Тургенева «Муму» дворник Герасим утопил свою собаку. Уважаемые знатоки, какой породы была собака?

Должен сказать, что наша компания сформировалась во многом благодаря общей любви к литературе и игре «Что? Где? Когда?», поэтому отдать балл телезрителю из Санкт-Петербурга мы себе позволить не могли. Просовещавшись ровно минуту, мы выдали вердикт: дворняжка.

Сфинкс ехидно помотал бородой.

— Внимание! Правильный ответ! «…Благодаря неусыпным попечениям своего спасителя, превратилась она в очень ладную собачку испанской породы…». Во как! А собака испанской породы – это кто? Спа-ни-ель! Теперь будете знать!

Старик распалил наш азарт, и нас уже нисколько не смущало отсутствие на нем хотя бы нижнего белья.

Наверное, вопрос вертелся на языке каждого из нас, но первым его оттуда снял именно я:

— Слушайте, а вы вообще кто такой?

Сфинкс приосанился, заложил руки за спину и продиктовал:

— Игорь Васильевич Пеньковский!

Имя это нам, очевидно, должно было сообщить нечто такое, что пропитало бы нас уважением к господину Пеньковскому, который под грузом своего величия забыл надеть трусы.

— Не узнали, да? Тогда еще одна загадка! Я вам называю адрес, где я работаю, а вы мне говорите, что это за место! Ну уж это вы должны знать! Итак…Соляной переулок, 13!

Единственное место, которое я знал на Соляном переулке, было Художественной академией имени Штиглица (в недавнем советском прошлом – Веры Мухиной). И, поскольку шампанское я уже выпил, пришло время рисковать.

— «Муха», что ли?

— Ну конечно! Конечно, соколики мои! А теперь разрешите представиться по форме: доктор искусствоведения Игорь Васильевич Пеньковский.

Не могу сказать, что я знал много докторов искусствоведения, но представлял их отчего-то примерно так.

— А сейчас, мои юные друзья, я хотел бы знать... Не будет ли у вас 27 рублей? Разумеется, в долг!

На следующее утро я, хотя и не желал оскорблять доктора подозрением, все же решил кое-что проверить и вбил в поисковую строку фамилию и титул нашего нового знакомого. По этому запросу я получил даже больше, чем планировал – по первой ссылке меня нашла новостная заметка об Игоре Васильевиче Пеньковском, лишенном водительских прав за вождение в нетрезвом виде и снос целого остановочного павильона. Идентификация прошла успешно. Это точно был он.

Спаситель

На просторах великой и необъятной вы едва ли найдете человека, который не знал бы классика русского мата, донесшего до непросвещенной части народонаселения, что в Питере все-таки пить. Вовлечению петербуржцев и гостей города в это дело, определенно требующего определенной сноровки, способствует запредельное множество рюмочных на любой вкус и цвет. Но Семен почему-то отдавал предпочтение той, что больше всего отсылала его к любимым советским временам – временам, когда, несмотря на существование Госплана, само рождение Семена еще не было запланировано. Рюмочная эта была довольно старорежимная: единственными приметами нового времени в ней были плазменные телевизоры и возможность расплатиться улыбкой. Сема завел себе привычку бывать там минимум раз в неделю и чаще всего одному. Печень его друзей оказалась не приспособлена к частым походам за горячительным, да и привлекали их скорее модные и концептуальные бары с крафтовым пивом вкуса спелой ежевики, чем наливайки с совсем не хипстерским контингентом.

В тот день Сема снова пришел в рюмочную один, сходу заказал кружку жигулевского и куриный рулет, затем плюхнулся за стол и уставился в телевизор, пытаясь разобрать, во что именно играют – в хоккей или все-таки баскетбол. Расправившись с легкими закусками и таким же легким алкоголем, Семен решил плавно перейти к тяжелой артиллерии, заказав графин брусничной настойки и солянку. В этот момент к нему и подсел человек, по запаху напоминающий господина Мармеладова.

— Ну, здравствуй, Семен.

Друзья всегда удивлялись природному дружелюбию Семы, который и в этой ситуации приветливо кивнул и пригласил недорогого гостя сесть рядом, не задав ни одного лишнего вопроса.

— Все квасишь?

Сема снова добродушно кивнул и продолжил скромный вторничный пир.

— Посмотри на меня, Сема. Внимательно посмотри. Нравлюсь?

Семена охватило некоторое замешательство. Признаться мужчине, что тот ему нравится, Семе не позволяло дворовое воспитание. Сказать человеку, что тот ему не нравится совсем, не позволяло воспитание бабушки – яркого представителя советской высшей школы.

— Да ты не о том подумал, э! Ты погляди на меня: рожа красная, волосы сыплются вместе с зубами. Про семью я уже вообще не говорю, там давно все... Да что семья! Это ты еще про щитовидку с печенью не знаешь, там вообще труба. А знаешь почему?

— Ну и почему? – подал голос Семен и расплылся в улыбке, старательно сохраняя дружелюбный тон.

— Да потому что у меня в паспорте в разделе «прописка» уже адрес этой рюмочной указан! Это бермудский треугольник, Семен! Вход – рубль, выход… уже вперед ногами! На эта сила воли нужна! Сила есть, воля есть, а силы воли нет! Вот у тебя есть она?

Сема призадумался, мысленно перелистал Локка, остановился на 124 странице, загнул уголок и осмыслил пассаж о свободе воли.

— Ну, наверное, есть! – заключил он и опрокинул рюмку.

— Была бы она у тебя, ты бы тут не сидел, так? Я тебя здесь вижу чаще, чем…Чем… – творческая личность не смогла подобрать достаточно высокопарное сравнение, поэтому прервала мысль глотком нефильтрованного.

— Да вам-то, собственно, что? – внезапно не выдержал Семен.

— Мне? Да мне вообще ничего! Только жизнь ты свою здесь похеришь. Тебе бы с девочками мосты разводные смотреть или над учебниками корпеть, а ты пьешь муть всякую. Хочешь

– слушай меня, не хочешь – не слушай, а я тебе сказал все, что думаю! – незнакомец аккуратно сплюнул на пол и вернулся к своему столу.

Сема опрокинул рюмку, накинул пальто и, бурча что-то себе под нос, вышел из рюмочной.

— И чего ты к пацану-то пристал? Тебе что, больше всех надо? – возмутились собутыльники рюмочного проповедника.

— Да не знаю, мужики. Нормальный парень, вроде, а все за рюмкой сидит. Дурное дело-то нехитрое, но поберечь надо поколение. Поберечь надо. Страну на них оставляем. Я, может, ему вообще жизнь спас?

***

— Да, Оксан? Да еду, еду. Через полчаса буду. Что взять? Хорошо, йогурты твои возьму. Да-да, с киви и семенами чиа, я помню. Еще что? Да мимо рюмочной этой еду вонючей. Я… Стой! Твою мать! Мать! Тут…Короче, тут парень…Я…Я не видел его! Он как-то внезапно так выскочил оттуда… Твою ж…Оксан, не кричи, я не знаю, что с ним, сейчас скорую вызову. Кажется, не шевелится… Перезвоню!

Нефтепровод «Дружба»

Выплывая из клубов табачного дыма, обволакивающего столики летней веранды, пожелтевшее от турбулентности мира лицо Лелика расплылось в уставшей улыбке и рискнуло предложить тост:

— Ну-с, за дружбу между прекрасным полом и нашим, паркетным!

Его спутница Инга, с трудом переносившая романтизированный сексизм Лелика, проглотила обиду. Осушив бокал до дна, она облизала губы, коварно хмыкнула и пошла в бой:

— Лелик, дорогой мой друг! Раз уж между нами возникла такая крепкая товарищеская связь, раз уж нас так крепко связали узы дружбы… У меня к тебе будет одна просьба. Познакомь меня с кем-нибудь из своих друзей! Ужасно устала быть одна, очень не хватает мужских туфель в прихожей. На худой конец – кроссовок. Но лучше все-таки туфель. Есть кто-нибудь на примете?

Услышанное запустило в Лелике необратимые процессы. Многолетняя дружба с Ингой была для него чрезвычайно ценным активом – дочь владельца крупной строительной фирмы, преданная боевая подруга и чрезвычайно благодарная слушательница. Разбазаривать такой актив, отдавать его в руки примитивному неандерталу было бы недальновидно с его стороны. Нельзя, однако, сказать, что он воспринимал Ингу как девушку, но и как парня он ее тоже, в общем, воспринимать не мог. Его многочисленные извилины приступили к решению сложившейся дилеммы, а пока он решил заполнить паузу привычным белым шумом:

— Даже не знаю, смогу ли я среди своих знакомых бездельников и тунеядцев найти кого-то, кто был бы достоин хотя бы твоего мизинца…

Инга терпеть не могла двух вещей: пошлости и звенящей пошлости, но Лелику она могла простить все. Общение с ним выполняло сразу несколько функций: бытовую – так быстро унитаз в ее квартире еще никто не чинил, досуговую – он был единственным среди ее знакомых, кто мог отличить Фриду Кало от Анри Матисса не только по фотографиям, поэтому часто и с удовольствием сопровождал ее на выставках, и, конечно, романтическую – ей было просто приятно, что рядом с ней бывает человек, чуть симпатичнее бородавочника. Иначе говоря, Лелик тоже был ценным активом. Хотя нельзя было сказать, что она воспринимала его как мужчину, но и как девушку она его воспринимать тоже не могла. Однако тот факт, что он бескомпромиссно окрестил их формат взаимоотношений «дружбой» ее все-таки обидел.

— Спасибо-спасибо. Ты как всегда…красноречив. А сейчас я уже побегу. Буду ждать подборку лучших твоих знакомых. Не скучай!

Лелика, сотканного из противоречий, до глубины души задело, что Инга так легко согласилась назвать их общение «дружбой». Продолжая привычный для него каскад нелогичных действий, он решил действительно найти ей пару. Желательно неподходящую настолько, насколько это вообще было возможно. Свой выбор он остановил на соседе по лестничной клетке. Месье Колян был профессиональным безработным, имел словарный запас, уступающий даже Эллочке-людоедке, а положительных качеств у него было немногим больше, чем у Усамы бен Ладена. Незадолго до судьбоносной встречи двух будущих половинок Лелик приготовил для Инги еще один сюрприз:

— Дорогая моя, я, как и обещал, тебя спутником жизни обеспечил и теперь хотел бы рассчитывать на своего рода…Алаверды! Не могла бы ты меня тоже с кем-нибудь познакомить? Наверняка у тебя есть кто-нибудь на примете?

Тактический удар подкосил уверенность Инги, но не сломил ее. Встретившись с фаворитом Лелика, она быстро вникла в правила игры и выбрала для него столь же подходящую партию. Как нельзя лучше, по мнению Инги, ему подходила коллега из соседнего отдела Кристина, делом жизни которой стала игра «три в ряд», а последним прочитанным произведением

– объявление «Не прислоняться» на двери вагона метро. Свидание с такой девушкой точно должно было закончиться для Лелика экстренной госпитализацией, вопрос только в том – в кардиологию или психиатрию.

Ее противник по внезапно развязанной войне после часа общения с креатурой Инги понял, что мяч на его стороне поля, и решился на генеральное сражение в формате двойного свидания.

В назначенное место враги прибыли заранее, чтобы успеть вырыть окопы и по возможности распылить иприт. Удостоив друг друга прохладными кивками, они заняли места за столиком и в гнетущем молчании продолжали постигать основы тактики и стратегии.

Первый час свидания прошел в прощупывании почвы: традиционный обмен колкостями постепенно переходил в легкие оскорбления, касавшиеся умственных способностей присутствующих. На втором часу начались баталии, по которым быстро стало ясно – если они когда-то и были друзьями, больше они таковыми не являются. Лелик многое узнал о себе, своем мировоззрении и даже о родителях. Инге доставалось не меньше, но держалась она с неиссякаемым английским благородством:

— Ты че, Лелик, берега попутал? Это я-то хабалка? Дура, ну-ка дай сюда тарелку, тут у человека борзометр зашкаливает, надо подправить!

Битье посуды определило исход битвы, и обе враждующие стороны были выведены с поле брани охраной ресторана. И Кристина, и месье Колян к этому моменту уже успели покинуть горячую точку.

Закуривая на ступеньках у входа, Лелик решился на подведение итогов вечера:

— Ты как хочешь, а я в дружбу между мужчиной и женщиной больше не верю. Вот в нефтепровод «Дружба» верю, а в это – нет. Его я видел, а дружбу между мужчиной и женщиной – ни разу. Я-то думал, у нас…А у нас… В общем, не знаю я, что это, но на дружбу как-то не тянет. Да, между прочим, за разбитую посуду платил я. Скинешь мне хотя бы половину?

Инга, сидевшая от Лелика на расстоянии социальной дистанции, согласилась:

— Скину, Лелик. Конечно, скину. Все-таки мы друзья. Ну, были когда-то!..

Она вдруг взглянула на него и не узнала. Его натянутая и всегда немного раздражавшая улыбка казалась совсем другой – не наигранной, а светлой и обаятельной, но в силу своего жизненного опыта Инга отлично знала: именно за такой улыбкой и скрывается неуверенность и целая вереница внутренних страхов. Ей хотелось, чтобы он улыбался ей всю ночь, рассказал обо всем, что так отчаянно обороняет своей маской, но вместо этого она встала, поправила плащ и зашагала в сторону метро:

— Чао! Не провожай! И только посмей не спросить, добралась ли я до дома!

Нефтепровод окончательно прохудился.

Дом на улице Балабанова

Несколько лет назад в Петербурге, который начал все больше напоминать Ленинград, широко праздновался то ли день рождения, то ли день смерти Иосифа Бродского. Мероприятия проходили сразу в нескольких музеях и лекториях, и мне даже посчастливилось забрести на один из них. Свидетели детства и юности поэта наперебой сыпали воспоминаниями, а актеры местных театров читали Ахматову, Фроста и Пастернака, но ни в коем случае не самого Иосифа Александровича – виновник торжества этого ужасно не любил и, очевидно, не оценил бы порыва.

Взобравшись на авансцену, актриса, прославившаяся эпизодическими ролями в сериалах про доблестную полицию, начала декламировать Мандельштама. Внезапно в толпе, среди благородных стариков и кисейных тургеневских барышень в газовых платьях, всхлипывающих к месту и не только, я услышал непривычное для этих литературных широт презрительное фырканье.

— Три ошибки! Лучше бы читала с листа!

Выглянув из-за плеч благодарных зрителей, я попытался разглядеть неблагодарных. Источником недовольства оказалась молодая девушка с уставшим лицом. Неприязни в ее взгляде, пожалуй, было даже больше, чем можно застать в утренние часы в вагоне метро. Я забылся и быстро перестал слушать стихи, отдав предпочтение созерцанию. Черты ее лица были с каким-то трудно уловимым притягательным изъяном – отвести глаз было невозможно. В конце концов, она меня заметила.

— Что у вас с лицом?

Голос ее все также разил недовольством. Я растерялся, потому что хотел задать ей тот же вопрос.

— А что с ним не так?

— Это я и хочу понять. Почему вы улыбаетесь?

Последний раз этот вопрос я слышал еще в школе, когда всеми возможными способами срывал урок геометрии, но, в отличие от той ситуации, ответ на вопрос у меня нашелся довольно быстро.

— Мне просто нравится Мандельштам. И Бродский тоже. А вам разве нет?

Девушка тяжело вздохнула – так, будто уже несколько раз отвечала на мой вопрос, а до меня все никак не могло дойти.

— Нравится. Но мне не нравится, что из Бродского тут делают идола. Гений, конечно, гением, но они явно перегибают. «Не сотвори себе кумира» – слышали, наверное.

Отстаивать честь выдающихся представителей русской словесности мне еще не приходилось.

— А как же пушкинисты? Они тоже не правы?

— Допустим. Ладно, пойдемте.

Уверенным рывком она выпроводила меня в коридор, придерживая за лацкан пиджака.

— Сколько времени? Девять есть? Еще успеваем. Но надо поторопиться.

Каждый раз, когда в воздухе начинает пахнуть авантюрой, наступает эта губительная минута замешательства – ввязываться или переждать? Вечер рисковал пропасть, поэтому я решил согласиться. Куда именно идти, мне было по большому счету безразлично.

— Ты даже не спросил, куда мы идем. Мне нравится. И давай уже без этих любезностей, перейдем на «ты». Я Ника.

Еще не успев отойти от прошлых потрясений, я снова нашел себя удивленным. Выпорхнув на улицу, Ника, по-видимому, совсем не считаясь с календарем, облачила себя в шубу из

искусственного меха, которая изящно подметала носы ее туфель, и закурила сигарету с длинным пошловато-нуарным мундштуком.

— Я вызову такси. Диктуй адрес.

В подобных ситуациях во мне всегда просыпался джентльмен, не считавшийся ни с какими суммами на банковской карте. Хотя именно в этот день считаться точно следовало.

— Это сибаритство. Идти до метро – минут десять.

Выучив новое слово, я с едва заметным облегчением выдохнул. Мы двинулись к станции. Уже в вагоне она решила продолжить разговор, который, как мне казалось, был давно исчерпан.

— Так вот, по поводу твоих пушкинистов. Да, я считаю, что они придурки. Потратили свои жизни на ерунду. Они могли бы заняться чем-то более серьезным, написать что-то сами, в конце концов, но провели годы в архивах, выясняя, что их любимый Александр Сергеевич написал Анне Керн, а что – другой своей дуре.

С такой махровой мизогинией я сталкивался не раз и, как ни странно, в основном в разговорах с другими женщинами.

— Послушай, ведь Пушкин – это не просто рядовой поэт первой половины XIX века, он оказал большое влияние на…

С каждой станцией, которую мы оставляли за собой, я терял уверенность в том, что принятое решение было правильным. Когда вагон остановился на предпоследней, она, схватив меня за рукав пальто, выволокла в вестибюль.

— Да-да. Пушкин – наше все. Что-нибудь еще из школьной программы запомнил? А мне сначала показалось, что ты интересный человек.

Оскорбившись таким заявлением, я готов был с пеной у рта, не отходя от кассы, опровергнуть все, что говорил до этого.

— Ну, предположим, пожизненное поклонение Пушкину не имеет смысла. Но ты, кажется, цитировала Библию. Разве христианство – это не поклонение одному человеку?

— Христос не человек, – фыркнула она.

Я приготовился к затяжному спору, но мы завернули в алкомаркет.

— Санто-Стефано. Две бутылки.

Мы приблизились к угрюмой и давно отжившей свою актуальность брежневке, когда она, схватив меня за плечи, спросила:

— Ты же не из этих тепличных домашних мальчиков, да? Сейчас ты можешь всякое, но, прошу тебя, держи свое «фи» при себе.

Я, начиная привыкать к ее напору, с достоинством мотнул головой, что можно было трактовать, как «делай со мной все, что хочешь, меня уже ничего не удивит». Но я все же удивился.

Из открывшихся дверей лифта на нас упала женщина, с достоинством окатившая наш светлый образ сигаретным дымом. До этого момента я даже не подозревал, что в подъездах, и уж тем более – в парадных – курить можно было так свободно. Женщина, пошатнувшись, едва не потушила окурок о мой пиджак, но нашла в себе силы с аристократичной плавностью движений доползти до матраса, по фэн-шую лежащего у почтовых ящиков.

Когда дверь квартиры отворилась, я с плохо скрываемым разочарованием обнаружил, что мы оказались в коммуналке. До этого момента я добросовестно заблуждался, что коммунальные квартиры могли располагаться только в исторических районах города, а в зданиях светлой эпохи развитого социализма их быть не могло.

— Сколько людей здесь живет?

— Десять, кажется. Всех я не знаю. Рабочие да старухи. Я с ними как-то не очень.

Пройдя по длинному коридору с обшарпанными стенами и облупившейся плиткой, мы оказались в комнате Ники. Обстановка, кажется, не сильно отличалась от той, что была здесь лет сорок назад.

— Так вот, по поводу твоих пушкинистов…

Наутро я, измотанный пружинами матраса, впивающимися в каждый сантиметр моего тела, оделся со скоростью горения воображаемой спички, и, не став будить гостеприимную квартирантку, растворился среди однотипных дворов, путавших прохожих своей панельной однообразностью.

В доме Ники я стал бывать часто. Мы снова говорили про Пушкина, про письма Чаадаева, фильмы Эйзенштейна и толстовство, восполняя наши общие пробелы в школьном и университетском образовании. Как оказалось, нам было чем друг друга удивить, что мне было особенно приятно. Со временем я познакомился с ее соседями: со склочной пенсионеркой, выхаживающей дочь с инвалидностью и с пьянствующим вахтером при местном НИИ. Я часто видел его сидящим на кухонном подоконнике. Иногда мне даже казалось, что он вот-вот заговорит со мной, поделится какой-то житейской мудростью, но, как правило, в такие моменты количество выпитого уже выплескивалось за ватерлинию, и навык связной речи был уже давно утрачен. Но особенный интерес у меня вызывал студент, с упоением рассказывающий о себе как о человеке свободной профессии, имеющем собственную мясохладобойню на артельных началах в Самаре. Как позже выяснилось, у него была справка из соответствующего медучреждения.

В очередной, кажется, уже в пятый раз, Ника заговорила о кинематографе. Каждый такой разговор заставлял меня чувствовать себя нерадивым школьником, забывшим сделать домашнее задание. К счастью, в этот раз обошлось.

— Если говорить о классиках…Мой любимый фильм – «Груз 200».

— Об этом я уже догадался.

На следующее утро я никуда не уехал и отважился выйти на коммунальную кухню с целью приготовить завтрак. На это требовалась определенная смелость и полное отсутствие брезгливости. К завтраку Ника вышла с трудно передаваемым, но уже таким привычным недовольством на лице.

— Почему ты не переедешь отсюда? Тебе что, здесь нравится?

— Нравится. И давай больше не будем об этом говорить.

Только тогда я разглядел на ее лице отеки, которые, кажется, не успевали проходить. Сколько она вчера выпила?

После этого я еще несколько раз заводил с ней разговор о переезде, а однажды даже подкинул ключи от своей квартиры в ее сумку, но ответ каждый раз был один:

— Меня все устраивает. Еще раз тебе говорю: больше эту тему не поднимай. Так что ты, дурилка, говорил про Набокова? До кого он там не дотягивает?

Чем больше я знакомился с ее домом, тем тяжелее мне становилось туда приходить. Каждый раз у подъезда меня встречало тело консьержа. По традиции оно справлялось о наличии у меня свободных денег, а затем переворачивалось на другой бок. Затем был лифт. Мне уже даже начало казаться, что я привык к этому запаху, но выносить его все же было непросто. Наконец, шестой этаж. Девятая квартира. Звонок. Ника. На время мысли отступали.

Но однажды я все же не выдержал:

— Твой любимый Маркс про это уже все сказал: бытие определяет сознание. Посмотри вокруг: да здесь же одни…Да алкаши тут одни! Как тут вообще можно жить? Ты считала, сколько бутылок лежит под твоей кроватью? Ты что, собираешься их сдавать? Или делать коктейли Молотова?

— По-моему, тебе нужно научиться жить на расстоянии. Но тебе же до всего есть дело, ты у нас с синдромом спасателя. А не надо меня ниоткуда спасать! Мне здесь все нравится! А эти «алкаши» – добрые и честные люди.

— Они такие только, когда напьются.

— Ну и что? Если людям, чтобы стать самими собой, нужно выпить – ты не имеешь никакого права их за это осуждать. Да, в твоих любимых книжках про это не пишут! Может, ты

уже наконец от них оторвешься? Я здесь чувствую себя свободной! А ты просто идиот, который обложился всякими Бродскими и Пушкиными, цитируешь их мысли, выдавая за свои. А у этих людей все искренне, все по-настоящему. Поэтому их так пугает мир вокруг, поэтому они пьют. А если тебя этот мир не пугает, если ты решил записаться в трезвенники, то ты просто мудак. Где выход – ты знаешь.

Начитанных и интересно мыслящих друзей у меня всегда было немало, но этот странный союз эрудиции и маргинальности меня всегда привлекал особо, и мне всегда хотелось заглянуть в него поглубже. Казалось, что в этом есть какой-то шарм. Со временем изменились мои приоритеты, изменились взгляды на религию, политику и даже районирование Санкт-Петербурга. Но в доме Ники я больше никогда не бывал.

Подарок на годовщину

Память никогда не была сильной стороной Дани, а с изобретением приложений, своевременно уведомляющих о значимых событиях, часть мозга, отвечающая за хранение информации, стала потихоньку атрофироваться. Все, что Даня не успевал заносить в заметки, немедленно форматировалось или помещалось в «корзину». В последнее время даже свое имя он стал вспоминать в лучшем случае через раз, а точный возраст – почти никогда, делегировав такие мелочи соответствующим программам. Но техника, равно как и Даня, может сбоить в самый неподходящий момент.

Проснувшись однажды утром, он обнаружил на своем телефоне с десяток пропущенных звонков от сестры и, будучи человеком тревожным, мысленно похоронил всех домашних животных и родственников до седьмого колена.

— Даня, прости меня, дуру грешную! Совсем заработалась. Поздравляю вас с Милой с прошедшей годовщиной! Пять лет – это все-таки серьезный срок! В смысле дата…Ну ты понял!

Даню разбил паралич. Настенный календарь с котятами, подаренный коллегами, напрочь лишенными чувства вкуса, упреком смотрел на своего владельца. Годовщина была вчера.

— Да… Годовщина…У нас. Ну это…Спасибо за поздравление, в общем!

К счастью, Мила была в командировке и должна была вернуться только к обеду. Добежать до цветочного он еще успевал, а вот придумать и купить подарок, способный удивить искушенного адресата – уже нет.

Зафиксировавшись в позе роденовского мыслителя, если бы тот носил нижнее белье господина Кляйна, Даня погрузился в раздумья, за которыми его и застала внезапно вернувшаяся Мила.

— Данька! Я дома! Ты когда-нибудь слышал, чтобы Сапсан приезжал раньше на целый час?!

Времени на раздумья уже не было. Воображаемый тумблер переключился на режим экспромта.

— С возвращением, Милочка! Дай бог здоровья вашему машинисту!

В квартире влюбленной пары начались вступительные экзамены в школу-студию МХАТ.

— Как ты помнишь, вчера у нас с тобой была годовщина. Ты же помнишь? Я тебе специально ничего не говорил, потому что приготовил особенный подарок, который тебе точно еще никто не дарил…Мы с тобой…Идем на концерт!

— Сто лет не была на концертах! А чей?

Шестеренки в голове Дани несколько раз провернулись, заржавели и разом пришли в негодность.

— На концерт…Майкла Джексона…

Испугавшись своей же импровизации, он прикрыл один глаз другим и замер в ожидании реакции. Мила с криками повисла на шее Дани.

— Даня! Я его обожаю! Как ты достал билеты?! Господи, это, наверное, так дорого! А где будет концерт? В Грузии? В Армении? Нам же билеты на самолет нужно еще взять! В Россию-то он не приедет!

Мила была младше его на десять лет, поэтому теоретически могла и не знать, какая трагедия потрясла мир в далеком 2009 году. В очередной раз Даня подумал о том, как ему повезло с девушкой.

Не привыкший отступать даже от очевидного бреда, сказанного в состоянии накрывающей паники, он продолжил сочинять:

— Представляешь, все-таки приехал! Концерт будет здесь, в Питере, на Газпром-арене. Через два дня. Так что ехать никуда не нужно.

Мозг Дани, внезапно начавший пахать в несколько смен одновременно и с лету освоивший многозадачность, рассудил, что завтра можно с лицом, полным скорби и огорчения, рассказать об отмене концерта в связи с простудой короля поп-музыки, а вместо этого отвести Милу в ресторан или филармонию. А лучше и туда, и туда.

— Слушай, а сколько ему лет уже, Майклу Джексону-то? Сейчас гляну…

Дикой кошкой Даня метнулся к телефону Милы и успел перехватить бездонный источник знаний, который мог разрушить его план за считанные секунды.

— А чего смотреть? Я тебе и так скажу! Ему уже лет 70. Это как раз юбилейный концерт. Тут и без Гугла все ясно. А то я тебя знаю: как возьмешь телефон, так и застрянешь в нем на час. Я ж тебя целую неделю не видел, давай проведем время вместе. Без телефонов.

Ночью Даня пробрался к роутеру – священному проводнику в мир домашнего интернета – и безжалостно прикончил его, без зазрения совести вылив на крышку стакан воды. Тот, выпустив последнюю искру, отправился в цифровой рай. Мобильный интернет у Милы, как и у подавляющего числа горожан, работал с перебоями, что давало призрачную надежду на то, что авантюра продержится на плаву еще какое-то время.

Сутки без интернета в квартире прошли нервно, но легенда о живом Майкле Джексоне продолжала жить. Хотя оборвать ее могла любая неосторожная связь с внешним миром.

— Вика, привет! У нас тут каменный век – роутер сдох, но Даня уже вызвал мастера. Вот сидим кукуем уже второй день, телевизор смотрим. Чуть не забыла! Мы же завтра идем на концерт Майкла Джексона на этой…как ее…на арене, ну ты поняла! Да какой «умер»?! Даня говорит, ему 70 лет почти, он живее всех живых. Вон аж в тур по России поехал. Ой, не знаешь – не говори!

Шаткое положение Дани спас невысокий авторитет подруги в глазах Милы. Случайно выигранное время молодой человек все же решил потратить на изобретательную панику и организовать концерт, пусть даже и в отсутствие главной звезды.

Несколькими звонками Даня собрал долги со всех своих знакомых: с кого-то взял кейтерингом, с кого-то – проектором. Бывший сокурсник помог найти подходящую площадку с панорамным видом. На всякий случай набрал даже подруге детства, ставшей прославленным в сети тарологом, но та с удивлением заявила, что воскрешение поп-исполнителей выходит за грани ее компетенций.

В назначенный день Даня привез девушку к дореволюционному особняку, поднялся с ней на крышу и посадил в первом ряду перед большим экраном. На сцену вышел еще живой Джексон образца 1997 года. Теперь Даня вынужден был объясниться.

— Понимаешь, дело в том, что…

— Данечка, я же не дура. Я знаю, что Майкл Джексон давно умер. Мне просто было интересно, как ты выкрутишься. У тебя получилось! Спасибо тебе. Вышло даже лучше, чем я ожидала. И роутер ты, кстати, зря убил. У меня мобильный интернет…

Она положила голову на его плечо и стала тихо подпевать на языке, который лишь частично совпадал с общепринятым английским.

Внезапно Даню осенило.

— Кстати, а что ты собираешься подарить мне на годовщину?!

Мила хитро ухмыльнулась.

— А ты когда-нибудь был на концерте Цоя?

Родина

Никита всегда был человеком крайне неоднозначным. Из его неоспоримых достижений был лишь тот факт, что он родился при другом президенте – для представителей нашего поколения это действительно считалось чем-то удивительным и вызывающим живой интерес. Образование он получил высшее, но по качеству оно было скорее средним. Однако надо отдать ему должное, саморазвитие он считал уделом тех, кто его достоин, а потому в силу своей природной скромности абсолютно им не занимался. За недолгие двадцать с хвостиком лет у него так и не вышло овладеть ни английским, ни французским, а всем языкам он предпочитал говяжий. Свои недостатки он с лихвой восполнял энергичностью и избытком инициативы. Последней было даже больше допустимой нормы, поэтому все его знакомые, друзья и сокурсники не раз выслушивали уникальные по своей провальности бизнес-планы: Никите трудно было объяснить, что приложение по распознаванию музыки уже изобрели, а унитаз с функцией будильника лучше вообще не изобретать.

Но в один из дней он превзошел себя.

Встретившись с единственным своим приятелем, чьи финансовые возможности позволяли не только расплатиться за себя в ресторане, но и вложиться в перспективный проект, Никита выдал:

— Будем делать русскую Кремниевую долину!

От смелости идеи потенциальный инвестор немного потерял богом данную возможность складывать слова в предложения и даже случайно вдохновился услышанным.

— Любопытно! И где?

— В степи! На границе с Казахстаном. Область там только Оренбургская, то ли Орская. Земли – до фига, а никто не использует! Мы будем первыми. Конкуренции – ноль!

Инвестор скуксился и мгновенно пожалел о потраченном времени. Но Никита Ибрагимович Бендер был не так прост и, чувствуя угасание интереса в глазах потенциального спонсора, бросился рассказывать о деталях плана и развитии концепции вплоть до 2076 года.

Месяц уговоров, угроз и накидывания сопутствующих взаимовыгодных предложений заставили старшего товарища сдаться, и он сам не заметил, как услышал: «Мы приземлились в аэропорту города Оренбурга». На осмотр местности и дальнейших перспектив Никита прибыл вместе с инвестором на случай, если тот во время полета захочет куда-нибудь свернуть и выйти раньше положенного.

— Тут недалеко. Два часа на машине, и мы на месте. Почти у самой границы хутор есть, там дед живет. Еще в 90-ые скупил всю землю по дешевке и не пользуется. А мы у него эту землю за Яндекс-станцию и кабельное ТВ купим. Айтишники визжать от восторга будут: полный сити-детокс, живая природа, степи, речка – красота! Мы им тут понастроим коттеджей, спортзалов, кофеен, в общем – Сколково прикурит.

— Да уж... «Я знаю, город будет, я знаю, саду цвесть...»

— Че?

— Ниче! Дорогу показывай, смотреть будем твою целину и с дедом знакомиться.

Спустя два часа созерцания однотипных пейзажей Никита с бизнес-партнером прибыли на место.

— Это че? Это все? Я думал...Это че? А где? – лаконично выразил свою мысль приятель Никиты и завис, ожидая перезагрузки.

Оглядев крошечный хутор в два дома, усыпанными снегом по самую крышу, Никита парировал:

— Ну да, не мегаполис! Я ж говорил: дед тут один живет уже лет сорок. Одичал малясь, но мы его уболтаем! Стеклянными бусами тряхнем, и он наш!

Вишенкой на торте впечатлений стал сам хозяин имения, который к приезду гостей как раз вернулся с объезда владений верхом на коне.

— Здравствуйте, молодые люди! Это мы с вами, что ли, по телефону-то балакали?

— Это че за купание красного коня, Никитос? Что за дичь? – старшего товарища Никиты окончательно сразил столбняк.

— С нами, с нами!

— Ну, тогда милости просим в дом. Чайку попьем с медом, поболтаем!

Разлив травяной чай по чашкам, старик сразу расставил все по своим местам:

— Я врать не буду, скажу, как есть. Землю я продавать не хочу.

Никита воспламенился факелом.

— Ну, сами подумайте. Вы тут привезет своих москвичей, они мне тут все загадят! А у меня здесь предки все лежат, это моя малая Родина!

— Какая родина? Какие предки? Никита сказал, вы сюда сорок лет назад переехали!

— Ну, ты не горячись, парень, не горячись. Я ж образно. Историческая эта родина. Веками мои предки здесь жили. А то, что я родился под Тулой, это уже неважно.

Никита не выдержал:

— А на хрена ж вы мне по телефону сказали, что готовы обсудить продажу?! На кой мы через всю страну сюда летели?!

— Да скучно мне здесь. Я, как жену схоронил, уже семнадцать лет здесь один и живу, людей почти не вижу. Вот, думал, хоть с ребятками из столицы увижусь, поболтаю. На рыбалочку вместе сходим!

Смотреть на инвестора было жалко.

— Так, закончили разговор. Никита, мы уезжаем, у нас самолет через 6 часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.